

В этом году исполняется 78 лет с того трагического для нашего народа дня, когда тысячи бойцов посылались на «крытые корабли» и военным вражеским войскам ступили на землю нашей страны. Миллины десятилетиями отдавна от сражений и тягот Великой Отечественной войны современная молодежь. С каждым годом все меньше остается непосредственных участников и свидетелей тех событий.

Сохранялись записки-воспоминания моего прадедушки — Степана Ефремовича Пашукова — о многих событиях из его жизни. Он был очевидцем первого дня Великой Отечественной войны, первой бомбежки.

Мой прадедушка Степан Ефремович Пашуков — совсем еще молодой воинскую форму. В 1938 году был призван на действительную службу. Прошел обучение в полковой школе, участвовал в военных кампаниях 1939 года. Был награжден орденом Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды. В 1941 году вступил в ряды Красной Армии и участвовал в боях за освобождение Украины и Белорусии. После войны работал в различных учреждениях, занимаясь общественной работой по патристическому воспитанию. Степан уникальнейший домашний музей Великой Отечественной войны, который посетили сотни людей. Часть экспозиции выделена в школьный музей.

«ВСПОМИНАЯ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ...»

В 2014 году Степана Ефремовича не стало.

Подготовил
Полушин Денис

ИЗ ЗАПИСОК ВОСПОМИНАНИИ СТЕПАНА ПАШУКОВА

На всю жизнь мне запомнился первый день войны. В ночь на 22 июня я был при исполнении служебных обязанностей — начальником караульного караула города Коростень.

Как и повсюду на Украине, в городе Коростень наступила такая покаянная ночь. Славные боины гарнизона с жизнеутрачивающими восторгами и свои казармы в вечерних прогулках. Город еще не спал. Я услышал мелодию аяваса, доносившегося из городского парка, неподалеку стоял и расположен охраняемого объекта. Это напоминало мне родной город Клинцы, где проводили годы моей юности. Неожиданно в этот часок прервал мои воспоминания «Токзрив начальних караула. Пас и телефонувачиду...» — продолжиле произне я, словно не хотелось мне покинуть этот мир, заполнивших мою душу. Быстро открыл дверь, которая представляла представляется — шум духового оркестра, аман трубку настоящего телефона и представляется: «Начальних гарнизонного караула, старший караула Пашуков, телефона!» Внимательно приподумавшись в гудящую дежурного в телефоне: «Да, Есть! Хорошо! Понятно!» Дежурный взял трубку и начал передавать в близости несения гарнизонной службы. Гудящая трубка...

В этом году исполняется 78 лет с того трагического для нашего народа дня, когда тысячи бомб посыпались на мирные города, и колонны вражеских войск ступили на земли нашей страны. Многими десятилетиями отделена от сражений и тягот Великой Отечественной войны современная молодежь. С каждым годом все меньше остается непосредственных участников и свидетелей тех событий.

Сохранились записки-воспоминания моего прадедушки - Степана Ефремовича Пашукова - о многих событиях из его жизни. Он был очевидцем первого дня Великой Отечественной войны, первой бомбежки.

Мой прадедушка Степан Ефремович Пашуков семь лет не снимал военную форму. В 1938 году был призван на действительную службу. Прошел обучение в полковой школе младшего комсостава. Участвовал в Финской кампании 1939 года, штурмовал Линию Маннергейма, отмечен медалью «За боевые заслуги». На фронтах Великой Отечественной воевал с первого и до последнего дня. Несколько раз был ранен, имел две контузии. Участвовал в освобождении Крыма и Прибалтики, где встретился с родным братом Василием. Победу братья встретили вместе. Среди множества наград дедушки Степана есть ордена «Красной Звезды» и «Великой Отечественной войны». После демобилизации в ноябре 1945 года вернулся к мирному труду. Вел большую общественную работу по патриотическому воспитанию. Создал уникальный домашний музей Великой Отечественной войны, который посещали сотни людей. Часть экспозиции впоследствии он передал в школьный музей.

В 2004 году Степана Ефремовича не стало.

ИЗ ЗАПИСОК-ВОСПОМИНАНИЙ СТЕПАНА ПАШУКОВА

«На всю жизнь мне запомнился первый день войны. В ночь на 22 июня я был при исполнении служебных обязанностей — начальник гарнизонного караула города Коростень.

Как и повсюду на Украине, в городе Коростень наступила тихая июньская ночь. Славные бойцы гарнизона с жизнерадостными песнями возвращались в свои казармы с вечерних прогулок. Город ещё не спал. Я, увлечённый мелодиями вальса, доносившегося из городского парка, неподвижно стоял в расположении охраняемого объекта. Это напоминало мне родной город Клинцы, где проходили годы моей юности.» «...Неожиданно голос часового прервал мои воспоминания: «Товарищ начальник караула, Вас к телефону!» «Иду...», - протяжно произнёс я, словно не хотелось мне покинуть поток мыслей, заполнивших мою душу. Быстро открыл дверь, которая препятствовала врывающимся звукам духового оркестра, взял трубку настольного телефона и представился: «Начальник гарнизонного караула, старший сержант Пашуков у телефона!» Внимательно прислушиваясь к голосу дежурного я повторял: «Есть! Есть! Хорошо! Понятно!» Дежурный давал дополнительные указания о бдительности несения гарнизонной службы часовыми. Положив трубку, я взял

инструкцию, прочитал её с начала до конца, ходил по комнате, уясняя прочитанное, продумывал действия личного состава караула на случай внезапности. Приказал проверить посты и со спокойствием в душе отправил своего помощника отдыхать. А сам взял постовую ведомость и сделал соответствующую служебную запись.

Кругом царила тишина. Уже не было слышно той музыки, которая доносилась вечерней порой. Город спал под воскресенье. Я сидел за столом. Размечтался о своей будущей жизни: "Примерно через четыре месяца кончится срок службы в Красной армии, вернусь в родной дом к родителям, пойду, как и прежде, на Дзержинку, где до ухода в армию работал помощником мастера. Сменю свою службу степенной жизнью рабочего, устрою получше свой быт. Теперь условия жизни стали хорошие, всё есть, всё дёшево." Всё это овеяло мою душу радостью... ..Покраснел восток. Неужели утро? И после быстро проделанных трёх шагов, стоял у окна, словно в ожидании какой-то вести. Смотрел на восходящее солнце, которое взволнованными лучами торопливо и как-то трогательно покрывало просторы украинской земли.

В это время разводящий со сменой шёл в караульное помещение, остановился в нескольких шагах от окна и любопытно смотрел в том же направлении. «Общий интерес вызвало восходящее солнце», - подумал я и, в намерении поделиться своими впечатлениями, вышел из караульного помещения. Навстречу мне бежал караульный майор Рогинский. Он торопливо произнёс: «Товарищ начальник караула! Самолёты!»

Я, встревоженный неожиданностью, смотрел на приближающуюся семёрку и как-то неуверенно подал команду «В ружьё!», потом «Отставить!» И снова - «В укрытие!» Перед тем подумал: «Чем чёрт не шутит, когда бог спит...»

Через несколько секунд самолёты были над нами, они летели с запада на восток на бреющем полете так низко, что Злобин взялся рукой за пилотку, боясь, что ветер сорвёт её с головы. И когда самолёты покидали объект, мы увидели, что на них не советский знак. Это нас всех взволновало.

«Чьи самолёты?» - спрашивали мы друг друга. Суждения были разные: может польские или немецкие? Рядовой Шевцов произнёс: «Свои». Я окинул взглядом караульных, остановился на Шевцове и сказал: «Да, свои». И торопливо пошагал в караульное помещение. Я, как участник Финской войны, был знаком с силуэтами самолётов. Позвонил в штаб. Услышав голос старшего лейтенанта Сиденко, я сказал: «Товарищ дежурный по гарнизону, разрешите доложить! В пять тридцать утра над объектом, на высоте 50 метров, с запада на восток, в сторону Житомира-Киева, пролетело семь самолётов, полагаю, немецкие... Нет! Нет! Огонь не вёл. Есть, огонь вести с вашего разрешения. Понял! Понял! Есть!», - повторял я, принимая указания дежурного. Потом вошёл в караульное помещение и громко подал команду «В ружьё!» Через мгновение личный состав караула стоял с оружием в определённо указанном месте. Предупредив о бдительности и готовности, оставил наблюдателя за воздухом. После команды «Разойдись!» мы с Кустовским вошли в комнату начальника караула и долго, взволнованно смотрели друг на друга. Вели между собой разговор. «Ведь у нас с Германией есть договор о ненападении, -

рассуждал Кустовский. Я напомнил: «Германия захватила уже многие государства в Европе, в том числе и Польшу оккупировала. Мне кажется, что они с целью разведки махали крыльями и рассматривали нашу местность».

«Возвращаются!» - прервал наш разговор резкий голос наблюдателя за воздухом, рядового Рогинского. На обратном пути они летели несколько левее. Пролетая расположения военного городка № 5, где личный состав стрелковой дивизии вышел на плац и занимался физзарядкой, самолёты развернулись, открыли пулеметный огонь. Были раненые и убитые. Я своими глазами смотрел на это неожиданное, страшное зрелище. Я как-будто на мгновение окаменел... Все мое тело затряслось, до предела сжалось сердце.

Самолёты ушли на запад. Я снова доложил дежурному по гарнизону о случившемся. И ещё неоднократно звонил и спрашивал об обстановке. Старший лейтенант Сиденко был мало разговорчив и сухо отвечал: «Ждите моего звонка!» И только в 12 часов дежурный позвонил и сказал: «Товарищ Пашуков, получено сообщение из Москвы. Германия вероломно напала на Советский Союз. Война...» Я сообщил всему составу караула. Всех охватили волнение и тревога.

В постовой ведомости гарнизонной службы я сделал служебную запись: «22 июня 1941 года в 5.30 утра с запада на восток, над охраняемым объектом гарнизонного караула в городе Коростень, пролетело семь немецких самолётов. Через 30 минут, возвращаясь обратно, пулемётным огнём подвергли обстрелу личный состав стрелковой дивизии в городке №5, где были раненые и убитые. Война...»

После ужина личный состав батареи занялся чисткой оружия. Наша казарма находилась на третьем этаже. На дворе начало темнеть, включили свет и вдруг... раздался сильный, потрясающий, продолжительный взрыв. Страшно заколебалось наше здание, затрещали окна, посыпались стёкла. Засвистела сирена, подалась команда: «Воздух!» Личный состав опрометью выскакивал во двор. Многие солдаты прыгали по лестнице через две, а то и через три ступеньки, боясь прямого попадания бомбы в казарму. Внизу офицеры непрерывно подавали команды: «В укрытие!» Я и старшина Минтяк спустились последними. Стёкла падали на лестницу и многие солдаты ранили себе руки. Поднялась паника, но вскоре все рассредоточились по подвалам и в бомбоубежище. Командиры призывали личный состав к спокойствию».

«Город Коростень с первого дня войны подвергался сильной бомбёжке. Неподдалёку от наших казарм было страшное зрелище. Немецкие самолёты, более десяти бомбардировщиков, полутонными снарядами бомбили аэродром. Ещё в 1939 году на этом месте планировалось строительство подземного аэродрома (это стало известно немецкому командованию), но грунт не позволил, и там построили небольшой наземный аэродром».

"Бомбёжка длилась около получаса. Бомбардировщики сделали по три-четыре захода. Среди жителей города, особенно нашей окраины, была страшная паника. Мужчины, женщины с детьми бежали полураздетые в разные стороны. Больше всего торопились к крутому берегу реки. Уже многие бежали к нам, военным, в надежде на помощь и спасение. Вокруг слышался ужасный крик и

плач детей. Такое не забывается...»

«Когда немецкие самолёты бомбили город Коростень, начальник гарнизона артиллерийского дивизиона противовоздушной обороны (ПВО), находящегося в одном расположении с нами, приказал командиру дивизиона открыть огонь по самолётам противника. Майор ответил, что не может открыть огонь. Генерал вызвал к себе майора (какая судьба его постигла, было неизвестно). В чём же дело? Насколько нам стало известно от соседей, 20 июня, во второй половине дня, в дивизион ПВО прибыл в чине полковника представитель из Киевского Военного Округа и представился заместителем начальника госпиталя округа. Проверил зенитки, боеприпасы и, ссылаясь на остроту обстановки, приказал: «Срочно отправить все затворы зениток в окружную мастерскую в город Киев». Дал на руки личное предписание. Майор для исполнения приказа срочно снарядил офицера и полуторку, погрузили затворы и отправили в Киев. Куда эта машина делась и когда она вернулась, нам неизвестно. Но мы стали свидетелями того, что дивизион открыть огонь не смог. Вина майора заключалась в том, что он не сообщил об этом начальнику гарнизона. Можно предположить, что ещё за два дня до начала войны случилось предательство».

«Через три часа, почти в полночь, мы вернулись в свои казармы. Сон отступил почти до утра. Я долго ходил, успокаивая своих подчиненных, а потом лёг в койку и мысленно, невольно вернулся в свои родные места. В такой ситуации вспоминалось всё, что было дорого моему сердцу. Как там сложится судьба у моих родителей? Как мама и папаша, который провожая меня после отпуска, говорил: «Я стар и слаб, можем не увидится. Смотри, мой сын, береги себя. Иди с Богом, дослуживай свою службу». Как сложится судьба у сестры Ульяны и брата Василия, который в трудный период жизни в тридцатые годы, делился со мной последним кусочком хлеба? Вспоминал я и своих друзей детства и юности из шестёрки «киваевских» ребят. Как у них сложится судьба на начавшейся войне? Так я встретил войну в городе Коростень 22 июня 1941 года, рано утром, на рассвете».

Выступивший по радио в 12.00 дня 22 июня 1941 года В. Молотов сделал от имени Советского правительства заявление о начавшейся войне и закончил его словами: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Так из сердец уходящих и провожающих на фронт вышли строки песни Лебедева-Кумача, ставшей одним из символов Великой Отечественной войны:

..Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!..

По судьбам людей, воспоминаниям участников событий, мы лучше узнаем историю своей страны, а примеры честного и самоотверженного служения Отечеству способствуют воспитанию гордости за свою страну, готовности защищать ее. Служить ей и трудиться на ее благо.

Считаю, что воспоминания участника двух крупнейших войн 20 века Степана Пашукова будут интересны и полезны моим сверстникам. Найденные

сведения могут быть использованы на уроках истории, при проведении различных мероприятий в школе. Планирую продолжить работу по рассмотрению и обработке воспоминаний ветерана Финской и Великой Отечественной войн Степана Ефремовича Пашукова .